

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Н.Ф. ТАГИРОВА

*доктор экономических наук, профессор,
Самарская государственная экономическая академия*

Интерес к прошлому и поиску в нем причин современных проблем российской экономики характерен для большинства новейших экономических и социологических исследований. Современные экономико-теоретические работы все чаще выходят за рамки господствовавшего неолиберального направления, склоняясь к проблемам институционализма. Новые подходы заметны в анализе конкретных сюжетов экономического прошлого, а также в исследованиях, посвященных теоретическим вопросам экономической истории.

Для большинства историко-экономических статей характерно стремление отойти от устоявшейся в советской историографии жесткой марксистской схемы и предложить новые варианты изучения российского экономического прошлого. В этом смысле можно согласиться с Ю.В. Латовым, что «теоретическая пауза» в экономической истории заканчивается [16, с. 7–31].

С нашей точки зрения, новейшие теоретические публикации можно сгруппировать по трем направлениям в зависимости от того, какие факторы экономического развития – географические, демографические или институциональные – авторы считают важнейшими при анализе экономического прошлого.

«Историко-экономический альманах» предлагает читателю целый раздел по теоретическим проблемам историко-экономических наук. Открывает его статья профессора Ю.П. Бокарева «Проблемы сравнительно-исторических исследований». В ней автор предлагает в качестве методологической основы социально-экономических исследований, прежде всего компаративных, геополитическую парадигму [5, с. 7–33]. В основе такого подхода – синтез научных методов геополитики, геоэкономики и гео социологии. При кажущейся междисциплинарности здесь явно превалирует географический компонент. Формационный подход, как замечает Ю.П. Бокарев, в качестве общемировой теории «обнаруживает свою несостоятельность» [5, с. 13]. Многообразная история России также не вписывается в жесткий каркас общественно-экономических формаций, не «срабатывает» и экономический детерминизм, логично выводимый из учения К. Маркса.

Согласимся и с тем утверждением Ю.П. Бокарева, что другой, ныне популярный цивилизационный подход, который некоторые ученые рассматривают или как альтернативу, или как дополнение к марксизму, не имеет строгой методологии [5, с. 13]. В научной литературе неоднократно отмечалось, что даже ключевое понятие «цивилизация» трактуется неоднозначно, оно шире, чем понятие «общественно-экономическая формация». Многозначность предопределяет разные его трактовки. Их, как минимум, три: классическая бинарная концепция Л. Моргана (варварство – цивилизация)¹, концепция ло-

¹ Н.Л. Клейн справедливо замечает, что такое понимание переключается с современными концепциями всеобщности исторического процесса и теорией стадияльного развития общества (см. [12, с. 83]).

кальных цивилизаций (А. Тойнби), «собрание культурных характеристик и феноменов» (Ф. Бродель)².

В настоящее время наметилось новое понимание понятия «цивилизация», оторванного от географической составляющей. Современная действительность дает все больше оснований для выделения цивилизаций по ареалам распространения языков и культур, а не по географическому признаку. Неоднозначная трактовка главного понятия «цивилизация» делает размытым не только понятийный аппарат, но и сам предмет изучения. Цивилизационный подход как методологическая установка требует разработки научных методов его интерпретации.

Перспектива, считает Ю.П. Бокарев, за геоэкономическими исследованиями, которые в России развиты слабо, хотя «для историка важно владеть, как геополитическим, так и геоэкономическим подходом. Только объединение в рамках геоистории способно дать методологию компаративного исследования» [5, с. 31].

Значение синтеза геополитического, геоэкономического и геосоциологического подходов, за который выступает Ю.П. Бокарев, с нашей точки зрения, – в привлечении внимания исследователя к географическому и геополитическому факторам, обязательном их учете при анализе и сравнении экономического развития разных стран. Но в качестве главного методологического посыла при изучении всемирной истории это не всегда приемлемо, во-первых, потому, что не всегда общемировые контакты и связи были определяющими в мировой истории (думается, при изучении истории мировой торговли такой подход правомерен). Существовал длительный период истории локальных миров-экономик, или очаговых цивилизаций, когда международные контакты играли второстепенную роль. Во-вторых, сторонники геоисторического подхода, по существу, являются сторонниками глобальной экономики, выстраивая ход всемирной истории в зависимости от географии геополитических критериев³. Объективность требует отметить, что данный методологический подход не является единственным в современном общественно-научном [22, с. 124–136].

Еще одна теоретическая статья «Историко-экономического альманаха» написана в русле евразийской концепции, ее автор Д.Н. Платонов [21, с. 92–103]. Он обосновывает тезис о «внутренней детерминированности историко-экономических процессов» [21, с. 94], о том, что в различных экономиках есть некая первооснова, которая сохраняется при всех флуктуациях хозяйственных систем и задает характер эволюционного процесса, или поведения хозяйственных структур. Эту первооснову Д.Н. Платонов называет «стиль хозяйственной эволюции». Он использует также и другие термины: структурное ядро, «схема» строения господствующих экономических форм, проявляющаяся в наборе конкретных «морфологий хозяйства» (формостроений).

Научные наблюдения Д.Н. Платонова связаны с тем, что в основе ядра любой модели лежит специфика общественного разделения труда, которая, в свою очередь, обусловлена географическим фактором. Автор выделяет три идеальных типа морфем: восточную, западную и русскую. Восточная общинно-государственная хозяйственная система отличалась сверхаграрным характером внутренней структуры. Специфика общественного разделения труда проявлялась в том, что ремесло, услуги «были ассимилированы либо аграрными сообществами разного уровня, либо государственно-бюрократи-

² В геополитическом смысле это означало отказ от обоснования западной экспансии и колониализма и сосредоточение исследовательского внимания на изучении многообразия разных цивилизаций в разных частях земного шара. Обоснование нового международного порядка во избежание глобального столкновения цивилизаций составляло главный предмет геополитики.

³ О зависимости научного анализа от политических воззрений пишет и автор другого теоретического сборника С.Ф. Шмидт. Давая краткий экскурс в историю изучения разных вариантов теории глобализации, он подробно останавливается на мир-системной методологии И. Валлерстайна. Мир-система – это капиталистическая мир-экономика, или политическая мир-империя. Географическое разделение труда строится как отношения между ядром, периферией и полупериферией. Причем в ходе неравного обмена происходит перетекание части получаемой прибавочной стоимости из одного региона в другой.

ческой системой в городах, в которых ремесленники обслуживали чиновничьи слои». Бесконечное внутреннее усложнение натурального хозяйства делало его в перспективе предельно самодостаточным. Индустриальные системы в аграрные сообщества были интегрированы не как равные части, а инкорпорированы как структуры подчиненного типа. Поэтому внутренний организационно-хозяйственный ансамбль складывался как многоукладный со сложной системой соподчинения неаграрных элементов [21, с. 96–97].

Хозяйственный стиль Западной Европы Д.Н. Платонов называет «вечной модернизацией», для которой характерно резкое отраслевое размежевание по простой схеме «сельское хозяйство – промышленность». Стиль становления хозяйственной системы на Западе мог существовать только в условиях освобождения от регламентации, т.е. в условиях экономической свободы.

В России стиль хозяйственной жизни автор выявляет на основе древнерусского «Домостроя» (в разных списках). Д.Н. Платонов пишет, что до начала XX в. в России преобладали домостроевские формы хозяйства, т.е. семейное хозяйство, состоявшее из набора аграрно-промышленных отраслей. «Своеобразная аграрно-промышленная многопрофильность семейной экономики с разной степенью коммерциализации придавала всем этим относительно большим или малым хозяйственным комплексам невероятную хозяйственную пластичность и приспособляемость. А потому для России характерна удивительная эволюционная неопределенность и незавершенность формостроения конкретных домохозяйств» [21, с. 99]. При этом ценностные ориентиры субъектов хозяйствования играли первостепенную роль. Государство («царство») здесь становилось своего рода верховным гарантом существования пестрого разнообразия домохозяйств.

Итоговый вывод автора статьи состоит в том, что российский стиль хозяйственной жизни богаче и сложнее, чем два других, западный и восточный, так как предусматривает не только либеральные или консервативные методы организации, а «результативные комбинации и сочетания известных принципов организации экономики, которые наиболее эффективны для сложных отечественных форм хозяйствования» [21, с. 103].

Забегая несколько вперед, заметим, что по сути современные российские социологи, исследующие институциональные матрицы, солидарны во взглядах с евразийцами и геоэкономистами, так как в основе устойчивости этих матриц видят географическую специфику. С.Г. Кирдина отмечает однозначную (комплиментарную) связь содержания конкретных институтов с характером окружающей материально-технологической среды, причем материальная среда выступает определяющим фактором устойчивости институциональных матриц [10, с. 117]. Под материально-технологической средой понимаются природные ресурсы, общественная инфраструктура и приоритетные для жизнеобеспечения населения отрасли [11, с. 36].

Другие исследователи в качестве ведущего фактора, влияющего на экономическое развитие, выделяют демографический компонент. А.Г. Алексаха выдвигает собственную концепцию прогрессологии. Вслед за Мальтусом и Э. Бозеруп автор фиксирует: демографический рост способствует более интенсивным методам хозяйствования [1, с. 44], хотя сама интенсификация земледелия ведет к снижению производительности в нем. Когда возросшая плотность населения достигает критического уровня, начинает снижаться уровень потребления, растет социальная напряженность. Только тогда могут возникнуть условия для прогресса общества – т.е. повышения уровня развития населения. Под уровнем развития населения автор понимает уровень потребностей, ради достижения которых оно готово целенаправленно и настойчиво трудиться [1, с. 9].

Прогресс идет скачкообразно, как процесс заполнения «резервуара». Заполнение резервуара – это период времени, в течение которого растет численность населения на определенной территории, ограниченной географическими (возможно, и политическими) границами. Как только емкость резервуара достигает критической отметки, появляется возможность для нового толчка. Он может быть направлен в сторону прогресса либо регресса. Резервуар может остаться в стационарном состоянии, если, по разным причинам, роста населения не наблюдается. Сформулированные автором законы резервуара состоят в том, что «сопротивление давлению внутри резервуара определяется давлени-

ем в соседних резервуарах» (1-й закон), «чем резервуар меньше, тем он быстрее наполняется, тем меньше в нем возможностей для прогресса» (2-й закон) [1, с. 31–35]. Третий закон автор формулирует так: «Последнее заполнение резервуара – это достижение населением критической плотности в природных и экономических условиях, когда дальнейшая интенсификация невозможна». При этом социальные потрясения носят характер революций и сопровождаются внешней экспансией. После революции ускорение прогресса заметно не ранее, чем через 50–100 лет. Так как доказательство своей теории автор ищет в сельскохозяйственном производстве и на основе интенсификации земледелия он рассматривает стадии заполнения резервуара, то и самым революционным классом он называет традиционное крестьянство доиндустриальной поры. Вслед за социальными потрясениями происходит промышленный переворот, и перспективы революции исчезают [1, с. 179–189].

На наш взгляд, концепция резервуара как ограниченной территории с определенной частью населения сходна с идеей локальных миров-экономик Ф. Броделя. Однако, по Ф. Броделю, локальность мир-экономик постепенно преодолевается с наступлением капитализма.

Группа исследователей из Сибири, в том числе авторы «Историко-экономических исследований», подробно изучают различные социальные и экономические институты. Мы согласны с американским экономическим историком Р. Камероном в том, что их «взаимодействие с другими переменными является наиболее трудным и наименее изученным аспектом экономической истории. Однако всякая попытка постичь природу и принципы экономического развития безотносительно этой проблемы обречена на провал» [9, с. 23]. В российской историографии институциональные аспекты исследуются достаточно активно современными экономистами [7, 13, 14, 15].

Социологи исследуют специфику и устойчивость институциональных матриц, выделяя их рыночные и восточные типы, Y и X матрицы соответственно [10]. Базовые институты существуют в трех сферах – экономике, идеологии и политике. В Y-матрице сочетаются экономические институты рынка, политические институты федерации и субсидарные (личностные) ценности, тогда как X-матрица образуется экономическими институтами редиистрибуции (распределения), политическими институтами унитарного устройства и идеологическими институтами коммунитарности [11, с. 35]. Институциональные матрицы устойчивы и мало изменчивы. Изменчивы, в основном, различные институциональные формы, но меняются они преимущественно в русле эволюции, задаваемой типом институциональной матрицы общества [10, с. 130]. Причины институциональных изменений кроются в усложнении внутренней реальности и во внешних факторах. Источники изменений – «живое творчество масс» и институциональный обмен между государствами.

Так, доминирующий тип отношений экономического развития России на протяжении всей ее истории – «раздаточная экономика». Рыночные отношения, игравшие всегда подчиненную, компенсаторную роль, «всплывали» лишь в трансформационные фазы для того, чтобы выросли новые, модернизированные институты раздаточной экономики [4; 10, с. 130].

В российской истории всегда доминировала X-матрица. Коммунальная материально-технологическая среда не давала возможности развиваться рыночным отношениям. Климатические особенности России обусловили здесь представления о земле не как конкретном, обрабатываемом участке, а как о пространстве, «которое предназначалось к обработке в будущем и требовавшем в связи с этим своей охраны общими усилиями» [10, с. 144]. На протяжении веков земельная собственность в России трансформировалась в направлении к сближению прав владения и прав использования земель (и реформа 1861 г., и 1906 г., и советские преобразования в деревне).

С.Г. Кирдина приходит к выводу, что в России «коммунальная среда... составляет материальную предпосылку невозможности развития отношений частной собственности» [11, с. 48]. С точки зрения экономической теории такое обобщение исторических фактов вполне логично. Если действие экономических законов закономерно и объективно,

то перспектив у российского общества и экономики нет. По сути, современные отечественные социологи-институционалисты солидарны с евразийцами в вопросе о значительной роли географического (материально-технологического) фактора в российской матрице, хотя и евразийская, и институциональная модели в конечном счете скорее обособляют, нежели включают Россию в общемировое экономическое пространство [5, с. 29].

Еще один из авторов иркутского сборника – москвич Ю.В. Латов – также предлагает институциональные подходы к изучению экономического прошлого. В своей статье он обозначил основные вехи в развитии западной экономической истории второй половины XX в. (клиометрика (Р. Фогель), институционализм (Д. Норт), неоинституционализм (П. Дэвид, Б. Артур), ретропрогностика). Наиболее подробно Ю.В. Латов анализирует работы нового направления – неоинституционалистов, которые сосредоточились на изучении сознательного выбора норм, «правил игры» в обществе, на инерционности тех или иных общественных институтов [16, с. 12]. Такой подход получил название Path Dependency. Это выражение, подчеркивает Ю.В. Латов, переводится не просто как зависимость от предшествующего развития, но в том смысле, что «возможности выбора, который делается “здесь и сейчас”, жестко детерминированы выбором, сделанным “где-то и когда-то раньше”» [16, с. 30]. Ю.В. Латов замечает, что в истории институтов зависимость от предшествующего развития можно изучать на разных уровнях – на основе отдельных институтов и на уровне институциональных систем (особенно национальных экономических систем) [16, с. 16].

В теории Path Dependency уже заметны два разных подхода. А. Алчиан выдвигает гипотезу всеобъемлющей конкуренции, в ходе которой выживают только эффективные институты⁴. Второе направление восходит к публикации в 1985 г. статьи П. Дэвида о QWERTY-эффектах – «сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартах» [16, с. 14]. Первоначально эти эффекты были замечены в области технологий, затем и в институциональной сфере. В основе QWERTY-подхода, считает Ю.В. Латов, – современная метанаучная парадигма синергетики И. Пригожина, создателя теории самоорганизации порядка из хаоса.

Эти QWERTY-эффекты можно изучать, сравнивая существующие в мире разные технические стандарты, а можно сопоставлять реализованные и не реализованные на практике, но потенциально возможные технические инновации, т.е. изучать несостоявшуюся экономическую историю. В качестве примера подобного подхода в российской историографии можно назвать статью А.А. Белякова, в которой рассматривается контрафактическая модель развития железнодорожной сети в России второй половины XIX в.⁵

История в сослагательном наклонении, как верно замечает Ю.В. Латов, является отражением «чисто экономического подхода к исследованию общественных проблем. Действительно, современные экономисты рассматривают свою науку как изучение выбора среди альтернативных вариантов, которые делают люди, стремясь максимизировать свое благосостояние. В таком случае альтернативная история – история, рассматриваемая как результат оптимизирующего выбора, – становится частным случаем анализа поведения людей, выбирающих наилучший вариант из доступных им альтернатив» [16, с. 18]. Своеобразным ответвлением такого подхода является ретропрогностика, объект ее изучения не тенденции, а отдельные, принципиально важные моменты истории – бифуркационные точки, в которых происходит выбор качественно различных альтернатив [16, с. 19].

Сам Ю.В. Латов предлагает в качестве варианта теоретического историко-экономического анализа трактовку экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов, в процессе которой происходит отбор – отчасти осоз-

⁴ В поддержку этой позиции высказывается и С.Г. Кирдина [10, с. 136, 174].

⁵ А.А. Беляков сравнивает издержки железнодорожного строительства с расходами на водные пути сообщения и приходит к выводу, что развитие железных дорог во второй половине XIX в. нанесло значительный ущерб ее народному хозяйству. Напротив, приоритетное развитие сети водных путей с межбассейновыми соединениями и кардинальным улучшением судоходных условий рек способствовало бы экономическому росту и улучшению путей сообщения всех видов» (см. [2, с. 414]).

наный, отчасти стихийный – наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества [16, с. 24]. Он отмечает, что в основе такого подхода – соединение неонституционализма Д. Норта и теории социально-экономических систем, разрабатываемых марксистами и старыми институционалистами. Другие же концептуальные подходы к экономической истории, считает Ю.В. Латов, можно ввести в мегатеорию как ее частные компоненты⁶.

Тезис о конкуренции как главном содержании экономической истории должен прослеживаться в двух аспектах – конкуренция институтов («правил игры») и конкуренция экономических систем – комплексов институциональных норм. Ю.В. Латов предлагает сосредоточить внимание на двух основных вопросах: ради чего ведется конкуренция и каковы критерии сравнительной эффективности конкурирующих институтов. Объективная цель институциональной конкуренции – расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов «правил игры». Борьба ведется прежде всего ради ограниченных ресурсов, а война может выступать средством получения материальных богатств⁷. Хотя применительно к России этот тезис, на наш взгляд, не подходит. Д.Н. Платонов также отмечает, что в России не было дефицита материальных ресурсов, а существовали «недостатки хозяйственной организации» [21, с. 100].

В качестве главного критерия эффективности того или иного института Ю.В. Латов называет способность противодействовать «чужому». Это противодействие «чужому» может происходить на четырех уровнях конкуренции:

- а) технологий подавления «чужих моделей»,
- б) производственных технологий, определяющих качество жизни,
- в) правил производства благ (экономических институтов),
- г) правил выработки правил (институтов конституционного выбора) [16, с. 25–26].

Причем преимущества на высших уровнях (а, б) становятся не потенциальными, а реальными, когда есть преимущество на нижних уровнях (в, г). Если силовые возможности разных моделей приблизительно равны, исход сражения зависит от случая.

Эффективность конкурирующих институтов можно понимать «...и как их способность повышать благосостояние людей – благосостояние в самом широком смысле слова (не только материальное, но и духовное; не только “здесь и сейчас”, но и в долгосрочном аспекте». Отсюда исходит, насколько люди могут и желают их отстаивать.

Экономисты и социологи, разрабатывающие институциональные аспекты общественного развития, близки друг другу, когда говорят об институциональном выборе (изменении институциональных форм), при анализе эффективности того или иного конкретного институционального перехода, «скачка», точки бифуркации. У каждого направления свои подходы к изучению институтов: экономисты пока рассматривают экономические институты и, в лучшем случае, влияние на них институтов других сфер общественной жизни. Социологов больше волнует взаимосвязь различных сфер общественной жизни и взаимозависимость институтов одной сферы от институтов другой сферы. Само понятие «институт» трактуется очень широко: сюда включаются не только институты-организации, но и институты неформальные – нормы, правила, то, что в широком смысле можно трактовать как культуру.

Наименее разработанным аспектом, с нашей точки зрения, является ракурс «истории»: развития, изменения либо устойчивости самих институтов (в том числе экономических), их внутренней организации и механизмов их работы. При этом серьезно отстают конкретно-исторические исследования. В качестве первых ласточек можно назвать исследования Лазарева и Беловой по истории экономического развития и планирования в СССР в 1920–30-е гг.

⁶ В этом случае технические инновации (главный двигатель истории в марксизме) могут рассматриваться как результат институциональных инноваций, порождающих спрос на новые технологии и создающих условия для их внедрения в хозяйственную практику. При этом не отрицается обратное влияние технических инноваций на институциональные.

⁷ Эта же идея высказывается и у американца С. Сандерсона [23].

В современных публикациях в качестве отдельного направления мы выделили работы, в которых рассматривается категория времени. Для экономической истории, где время является важнейшим компонентом анализа, новации в изучении этой категории особенно важны. В связи с этим хотелось бы отметить интересную статью И.А. Павлова о факторе времени в экономической теории [19, с. 76–91]. Автор анализирует подходы к категории «время» в разные эпохи: в Новое время оно понималось как объективная категория, независимая от человека, и как «своеобразная шкала измерения продолжительности взаимодействия природных сил». Этот ньютоновский подход имел последователей и в экономической науке (А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль). В XIX в. в рамках немецкой исторической школы уже звучала идея многовариантности развития и отсутствия «естественных законов в области экономики» для разных промежутков времени, время трактовалось «как один из факторов процесса изменений, причем предсказывать их направление, с одной стороны, не представляется возможным, а с другой – лишено всякого смысла».

В XX в. представления о времени снова подверглись корректировке, что связано с открытиями в экспериментальной и теоретической физике. Установлена неоднородность и множественность форм времени. Экономическая же теория продолжала базироваться на старых представлениях о времени. И.А. Павлов справедливо отмечает, что в современных условиях важно точно осознавать, в рамках какой парадигмы ведется научное исследование. В неоклассическом мейнстриме время есть просто логический процесс, функция которого – хронологическая упорядоченность действий индивида в определенном акте выбора. Время выступает инструментом деления событийного ряда на «до» и «после», «сейчас» и «потом». Это некая «мера масштаба, с помощью которой в зависимости от целей анализа происходит та или иная разметка, разбивка реальной временной последовательности в целях элементарной упорядоченности. Но она отсутствует как характеристика при анализе определенного периода как такового.

При таком подходе каждый этап является равновесным (в экономическом смысле). Тот же самый этап может выступать как элемент частичного равновесия, если рассматриваем всю последовательность периодов по определенным параметрам (объем капитала, использования труда и т.д.). В этом случае мы получаем метод сравнительной статистики, ставший базовым при исследовании процессов в экономике в логическом, но не в историческом, реальном времени» [19, с. 79]. Изучение экономики как некоего равновесия – экономической статистики, по сути, описывает вневременное состояние индивида, фирмы, экономической системы.

Автор считает, что «переориентация существующих представлений о времени в экономической теории будет способствовать более глубокому уяснению принципов функционирования рыночного механизма» [19, с. 81]. Далее И.А. Павлов рассматривает, как частные аспекты учета категории времени представлены в теории общего экономического равновесия (Вальд, В. Леонтьев), изучении временных ограничений статических моделей (Дебре (1959 г.), Кумпанс (1957 г.)), в теории экономической конъюнктуры (Н. Кондратьев, А. Маршалл, В. Репке). Подробно рассмотрена альтернативная традиция австрийской школы и неоавстрийского течения (Менгер, Бем-Баверк, Визер, Хайек, И. Кирнцер). Здесь время институционализируется, становится неотъемлемым элементом всей хозяйственно-экономической деятельности индивида. Оно связывается с изучением *ожиданий* экономических субъектов (Л. Мизес), обоснованием теоретической значимости анализа *периода производства* (Е. Бем-Баверк), анализом взаимосвязей между *временем* и *знанием* в экономической теории (Ф. Хайек). Время рассматривается как процесс приобретения знания субъектом рыночных отношений. Иначе такую постановку проблемы называют «проблемой Хайека»: каким образом можно объяснить процесс изменения в экономической теории, сохраняя преемственность с принципами (индивидуального) рационального принятия решений? Однозначного ответа на эту «проблему Хайека» нет.

И.А. Павлов приходит к выводу, что в мейнстриме, несмотря на разные альтернативы, все же сохраняется старое, ньютоновское понимание времени. Тогда как наличие неоднозначно детерминированных причинно-следственных связей реально признается

всеми обществоведами, и, следовательно, признается наличие неопределенности (или случайности).

Своеобразным продолжением данной статьи является публикация Ю.П. Страгиса по методологии экономической истории в связи с экономической неопределенностью [24, с. 104–117]. Ограниченность человеческого интеллекта, неведение того, что может произойти в будущем, ограничивают возможности выбора человека. Сделать рациональный выбор облегчают экономические институты. Автор предлагает считать методы неоклассики, неоинституционализма и неоавстрийской школы методологической базой экономической истории как науки. При этом методологические подходы этих направлений должны применяться по отношению к одному и тому же предмету исследования, т.е. к процессу всемирной экономической жизни [24, с. 105], хотя познать его в принципе невозможно.

Анализ новейших российских публикаций по вопросам теории экономической истории приводит нас к следующим заключительным суждениям:

1. Окончание «теоретической паузы» в экономической истории связано с отказом от детерминистского марксистского подхода в оценках экономического прошлого. В условиях, когда марксизм-ленинизм был единственной методологической основой советского обществоведения, не могло существовать принципиальных расхождений в оценке направления мирового общественного развития, дискуссионными могли быть вопросы об уровне (степени) победного шествия к коммунизму и темпах этого движения. Различные методические подходы, применяемые разными ветвями обществоведения, не имели принципиальной разницы. Либеральные концепции экономического развития также базировались на экономическом детерминизме и обосновывали победное шествие рыночных отношений.

Современный методологический плюрализм ставит исследователя перед обязательной проблемой выбора: в рамках какой научной парадигмы ведется исследование. Исследователь должен помнить, что применяемые им методологические подходы являются всего лишь одним из вариантов научного анализа, а потому не могут претендовать на абсолютную точность. Каждая из общественных наук имеет собственные приоритеты, поэтому методологическое заимствование может приводить к размыванию, в данном контексте, историко-экономического исследования. Механическое совмещение различных методологических подходов, с нашей точки зрения, приводит к некорректным и нечетким выводам, а простое перенесение методов одной науки на другую, как справедливо отмечает В.С. Автономов, ведет к неизбежному упрощению моделей человека, которыми пользуются общественные науки [18, с. 49]. Однако подобные упрощения, видимо, на данном этапе неизбежны, и они не должны перекрывать дорогу новым научным поискам и рождению новых научных направлений и теорий, таких как институционализм, эволюционная экономика, экономическая антропология и т.д.

Возможно, а может быть, и перспективно рассмотрение несколькими исследователями одной и той же проблемы одновременно с разных методологических позиций, сопоставление получаемых выводов.

2. Самым сложным и неразрешенным вопросом в экономической истории является вопрос о причинах и факторах экономического развития. Существует два главных теоретических подхода – эволюционный материализм⁸ и подходы, связанные с признанием первичности духовного Абсолюта. В данной статье мы рассматривали работы, ориентированные на первый подход. Здесь отвергнута марксистская концепция классовой борьбы в качестве движущей силы истории, но признается та же борьба, называемая конкуренцией, которая проявляется на разных институциональных уровнях. «Живое творчество масс», о котором говорят социологи, по сути, та же борьба. Ответа о движущих факторах и внутренних мотивах экономической эволюции пока нет. В условиях становления информационного (или глобального) общества идет поиск факторов, которые можно считать адекват-

⁸ С. Сандерсон предлагает разделить историю на периоды – неолитической революции, эволюции цивилизаций и современного капиталистического общества (см. [23, с. 67–71]).

ными современным условиям. Эволюционный материализм ставит во главу угла изменения в технике, технологии, формах торгово-экономических связей между странами. Из факторов развития главными называются геоэкономический и геополитический, цивилизационный. Акцент при таких подходах смещается на различие территорий, народов, экономики и стремление создать единое мировое экономическое пространство. По сути, к этому сводятся теории глобализации, закрепляющие сложившиеся неравные экономические и политические отношения в мире. Политический контекст виден и в том, что, как справедливо отмечает В.И. Кушлин, «пока преобладает по масштабам распространения и ресурсной поддержки исследовательское направление, замыкающееся на интересы мировой элиты и высокоразвитых стран... И сегодня сложился некий модернизированный мейнстрим, который означает приспособление идей либерального рыночного хозяйства к условиям глобализации экономических процессов» [15, с. 196].

Наряду с концепциями мирового развития в контексте глобализации существуют и альтернативные предположения, строящиеся на многоукладности будущего мирового устройства экономики (В.Т. Рязанов).

3. Современные материалистические подходы, с нашей точки зрения, можно свести в два больших блока – эволюционный и системный. Последний наиболее разработан. Его придерживаются, помимо традиционных марксистов, геоэкономисты (геополитики, геоисторики), «цивилизационщики», институционалисты и «мир-системники». Стремление к системному видению явно отличает современный этап научного познания от предыдущих этапов (мифологического, общенаучного, дифференцированно-научного)⁹. Новизна современного этапа в том, что человек, общество во всех его составляющих, культура являются открытыми многоуровневыми системами. Образуясь скрещением разных сил (природных, социальных, культурных и т.д.), эти системы, в свою очередь, рожают новые (эмерджентные) свойства данной системы. Анализ связей между элементами системы (подсистемы) и составляет главную особенность такого синергетического подхода. Причем все большую популярность в обществоведении приобретают подходы биологической науки о биотических связях¹⁰.

4. Необходимость рассмотрения объекта изучения в историческом контексте не отрицается ни одной из ветвей современного обществознания. Приветствуя обращение к историческому прошлому представителей разных наук, тем не менее выскажем опасение, связанное с тем, что часто в новейших публикациях современные представления исследователя автоматически переносятся в прошлые эпохи. Идет реконструкция прошлого с привнесением в него сознания современного человека. По меньшей мере, такие подходы не корректны и не точны. Раньше, особенно в далеком прошлом, человек ориентировался на реалии своего времени и выбирал из альтернатив те варианты, которые соответствовали общественному и культурному сознанию эпохи. Это означает, что анализировать эволюцию любого элемента общественной системы вне культурных рамок эпохи нельзя. Так, нам представляется некорректным пример Ю.В. Латова о том, что в XV в. вопросы конкурентной борьбы определяли взаимоотношения Москвы и Литвы, или анализ Д.Н. Платоновым хозяйства России начала XX в. на основе представлений «До-

⁹ М.С. Каган выделяет четыре периода в истории познания взаимоотношений природной и антропо-социо-культурной реальности: а) мифологическое познание характеризует прямой перенос представлений человека о себе самом на природу, культуру и общество; б) научный подход к природе появился в эпоху Возрождения и связан с появлением специализированных наук. Для этой эпохи характерно перенесение качеств простого на сложное. Считалось, что природа и общество похожи по действию своих закономерностей; в) осознание того, что природа и общество функционируют по-разному, разделило науки на группы наук о природе (естественные) и обществе (гуманитарные). Современный период характеризует стремление к междисциплинарному подходу и системно-структурному методу познания (см. [8, с. 55–61]).

¹⁰ Современная биология рассматривает внутривидовые и межвидовые отношения. К межвидовым относятся биотические связи по типу хищничества, конкуренции, паразитизма, симбиоз, нахлебничество, антибиоз (угнетение одного вида жизнедеятельности другим), нейтраллизм (коменсализм). Внутривидовые связи – конкуренция, борьба за лидерство, забота родителей о потомстве и т.д.

мострой». XVI в. и конец XIX в., не говоря уже о XX в., – разные культурные эпохи в истории страны, несмотря на сохранение «хозяйственного стиля» или устойчивость институциональной матрицы.

Социолог О.Э. Бессонова выделяет институциональные циклы и временные этапы в рамках институционального цикла (перинатальная фаза, структурированная фаза, фаза институционального исчерпания, фаза институциональных трансформаций) [3, с. 70]. Соглашаясь с ней в последовательности смены институциональных фаз, добавим, что эта схема нуждается в конкретно-исторической проверке с учетом культурных трансформаций. На рубеже XIX–XX вв. произошел резкий «надлом», или, если хотите, изменение одного «долгого времени» (Ф. Бродель) на другое, с некоторыми принципиально иными закономерностями, которые не учитывают экономисты. Давление рыночных отношений просматривалось не только в экономике страны, но и в начавшейся глубокой трансформации менталитета, общественного сознания, в том числе и в изменении психологии крестьянства. Мировой порядок менялся, и эти перемены, бесспорно, влияли на Россию, несмотря на ее экономическую самодостаточность. Другое дело, что не по всем территориям и районам процесс экономической и культурной революции, «модернизации» шел в одинаковом темпе и, может быть, в разных направлениях.

Нам представляется также очень важным суждение политологов о том, что нужна объемная ретроспектива истории, причем с анализом трансформаций, ритм которых часто совпадает с границами миллениумов [17, с. 32–66]. Действительно, на Европейском континенте в V в. была разрушена Римская империя, начался застой в хозяйстве Европы, названный «темными веками», X в. – падение империи Каролингов, рождение и развитие городов, оформление третьего сословия. С XV в. формировались суверенные национальные государства, получил развитие капитализм и рынок, разные его формы и фазы имели место до конца XX в. Смена миллениума, переход из 2-го в 3-е тысячелетие создаст принципиально новые условия существования человечества. В эти переходные эпохи исторические закономерности перестают действовать или проявляются в иной форме. Прогнозировать будущее в начале 3-го тысячелетия, базируясь на закономерностях эпохи 2-го тысячелетия, так же как и на экстраполяции современного сознания в прошлое, не имеет смысла.

5. Особенно важным в теоретических подходах к анализу экономического прошлого нам представляется обращение современных исследователей к проблеме роли человека (индивидуального сознания) в экономической эволюции. Б.Н. Клейнер говорит о необходимости анализа всех уровней социально-экономического пространства – от макроуровня до наноуровня (сознания отдельного человека) [13, с. 7]. Мы полагаем, что в этом контексте могут продуктивно работать в том числе концепции К. Маркса, связанные с анализом производительных сил, где решающую роль играют не столько орудия труда, сколько человек, который не только воплощает в жизнь идеальные проекты, но и сам является продуктом определенной эпохи и определенной культуры. Весьма перспективным представляется рассмотрение модели человека в разные исторические эпохи. Человек экономический (RREEMM)¹¹ далеко не везде и не во всех странах сменил человека коллективного, либо, как отмечает Г.Б. Клейнер, человек экономический (*homo economicus*) человека институционального (*homo institutus*) [13, гл. 2].

Роль индивида можно рассматривать и в точках бифуркации. Ю.В. Латов отмечает: каждый человек может выступать в роли «бабочки Брэдли», определяющей своими действиями самые разные, в том числе непредсказуемые, последствия. В этой трактовке, достаточно привлекательной на первый взгляд, есть один нюанс, который вызывает размышления. Думается, в роли «бабочки Брэдли» может оказаться не любой из нас, а любой, имеющий возможность получать информацию, видеть альтернативные варианты и последствия, одним словом, обрабатывать информацию.

¹¹ Экономическая модель человека исходит из признания его как Изобретательного (Resourceful), Испытывающего ограничения (Restricted), Имеющего ожидания (Expecting), Оценивающего (Evaluating), Максимизирующего (Maximizing) Человека (Man) (см. [18, с. 46–47]).

Импонирует идея о системности информационных потоков, о разных уровнях информации, реально существующей в пространстве. А. Пикок отмечает, что в иерархически структурированном комплексе существует поток информации от высших уровней к низшим. На высшем уровне формируется схема событий, проигрывающаяся в составных частях низшего уровня. Он невозможен без обмена энергией (или вещества). Человеческий мозг, как рецептор, воспринимает информацию разную и разными способами. А. Пикок выделяет разные виды информации, мы бы сказали, разные уровни. Существует информация (в понимании нейролингвистов) как «возможность выбора одного исхода из множества вероятных исходов». Это ее первый уровень. Его способны воспринять не все люди. Он может называться интуицией или как-то иначе. При получении информации первого уровня роль человека – «бабочки Брэдбери» особенно велика. Второй уровень информации – от лат. *kip forma* – это уже модуляция избранной человеком информации, придание ей структуры и определенной формы, конструкции. Она уже наделена особыми качествами, которые человек-«бабочка» выбрал. Эта информация политиков, личностей. Третий уровень информации понимается в обычном смысле – то, о чем человек уведомлен или извещен [20, с. 102–104].

Если человек выстраивает собственную жизнь (жизнь своей семьи), все три уровня информации он обрабатывает сам. Но на его выбор, безусловно, влияют сложившиеся к этому моменту времени представления о способах получения и обработки информации высшего рода, т.е. культура в узком и широком смысле. Жизнь человека (семьи) не может выйти (исключения редки) за определенные информационные рамки эпохи. Поэтому, когда мы анализируем исторические периоды, политику государств или экономические процессы в тот или иной момент прошлого, воссоздание культуры эпохи (неформальных институтов) является первым, необходимым шагом научного исследования. Государство часто делает выбор за человека. Например, в условиях победившей тоталитарной системы возможности общественного выбора у человека ограничены жесткими социально-культурными рамками. Но возможности индивидуального выбора для семьи (себя как личности, профессионала и т.д.) сохраняются.

Роль индивида важна и в контексте рассмотрения взаимосвязи научной идеи, ее реального воплощения в конкретных исторических условиях, социальной и культурной среды.

6. Методологический плюрализм и междисциплинарные подходы имеют следствием достаточно широкое и часто необоснованное использование научной терминологии других наук. Н.Л. Клейн, безусловно, права, когда отмечает необходимость определиться с понятиями [12, с. 91]. Институты, институциональные матрицы, морфемы, структурное ядро, социально-экономическое пространство, экономическая среда – эти и другие термины требуют объяснения и обоснования, в том числе применительно к разным эпохам.

7. Требуют конкретно-исторической проверки новые интересные теории и гипотезы. На первый взгляд, кажутся правдоподобными гипотезы А.Г. Алексахи о том, что в ходе эволюции формируются большие регионы, состоящие из многих «резервуаров», имеющих приблизительно одинаковые уровни развития, критический коэффициент и плотность населения. При этом критический коэффициент и уровень развития выше в центре такого региона и ниже на его периферии. В какой-то степени это коррелируется с гипотезами Р.М. Гусейнова и К. Чейз-Данна. Р.М. Гусейнов замечает, что все межсистемные переходы начинались на географических окраинах социально-экономических общностей. Этот феномен гипотетически определяется как всемирно-исторический закон периферийного прогресса [6, с. 83]. К. Чейз-Данн поддерживает аналогичную идею полупериферийного развития, смысл которой состоит в том, что средние регионы (полупериферия) в иерархии мир-систем являются наиболее плодотворными относительно инноваций институциональных превращений [25, с. 282].



Разнообразие теоретических подходов к экономической истории, появление новых гипотез и предположений, требующих конкретной разработки, дискуссии о терминологии и понятиях, с нашей точки зрения, есть радостное свидетельство того, что экономическая история как наука жива и развивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексаха А.Г.* Введение в прогрессологию. Теоретические проблемы экономической истории. М., 2004.
2. *Беляков А.А.* Оценка народнохозяйственного ущерба от приоритетного развития железнодорожной сети в России во второй половине XIX века (Опыт построения контрфактической модели) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: Росспэн, 2002.
3. *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.
4. *Бессонова О.Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999.
5. *Бокарев Ю.П.* Проблемы сравнительно-исторических исследований // Историко-экономический альманах. Вып. 1 / Сост. Д.Н. Платонов. М.: Академический проект, 2004.
6. *Гусейнов Р.М.* Закон периферийного прогресса: гипотеза // Историко-экономические исследования. Иркутск. 2004. № 1–2.
7. Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова. М., 2001.
8. *Каган М.С.* Наследие Людвиг фон Берталанфи и проблема применения системного подхода в сфере гуманитарного знания // Системный подход в современной науке: К 100-летию Людвиг фон Берталанфи. М.: Пресс-Традиция, 2004.
9. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.
10. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
11. *Кирдина С.Г.* История земельных отношений в России в свете теории институциональных матриц // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2.
12. *Клейн Н.Л.* Не пора ли определиться с исторической терминологией // Река времени 2004. Уфа, 2005.
13. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004.
14. *Клейнер Г.Б.* Эволюция экономических институтов в России. М., 2003.
15. *Кушлин В.И.* Траектории экономических трансформаций. М., 2004.
16. *Латов Ю.В.* Теории экономической истории – новые, новейшие и рождающиеся // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2(4).
17. *Неклесса А.И.* Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы: Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых. М., 2001. Вып. 6.
18. Очерки экономической антропологии. М.: Наука, 1999.
19. *Павлов И.А.* Время – фактор неопределенности в экономической теории // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М., 2004.
20. *Ликок А.* От науки к Богу. Новые грани восприятия религии: Пер с англ. М., 2002.
21. *Платонов Д.Н.* Историческое своеобразие евразийских хозяйственных систем и особенности экономической эволюции России // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М., 2004.
22. *Рязанов В.Т.* Постиндустриальная экономика и социализм: выбор пути экономического развития России в XXI веке // Экономическая история: Проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 3. М.; Волгоград, 2001.
23. *Сандерсон С.* Мегаистория и ее парадигмы // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX в. / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000.
24. *Страгис Ю.П.* Неопределенность экономической жизни и методология экономической истории // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М., 2004.
25. *Чейз-Данн К.* // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX в. / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000.